

Татьяна
Янушевич

КОРОБКА
С ПУТОВОЦАМИ

Татьяна Янушевич

Коробка с пуговицами. Рассказы

ООО "Свинья и сыновья"

2010

Янушевич Т.

Коробка с пуговицами. Рассказы / Т. Янушевич — ООО
"Свинья и сыновья", 2010

Татьяна Янушевич – геофизик, путешественник, прозаик. Автор книг «Мое время. Записки счастливого человека» (2004) и «Мифология детства» (2005), вышедших в Новосибирске. В новой книге собраны рассказы и эссе, написанные в последние годы. Герои их самые разные: озорные школьницы, предприимчивые старушки, экстравагантная бомжиха, певец из перехода метро, окружающие люди, друзья и друзья друзей, далекие и близкие. Впрочем, всегда близкие, потому как каждый заслуживает того, чтобы о нем было рассказано. И Татьяна Янушевич рассказывает. Оригинально, тонко и увлекательно.

© Янушевич Т., 2010

© ООО "Свинья и сыновья", 2010

Содержание

Встречная	6
Частный урок	11
Морковка	12
Зеркало	13
«Гроб еще не привезли...»	14
Парус майор	15
Под горячим хвойным небом	16
Антреприза	19
Всё путём	25
Ловленный марьяж	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Татьяна Янушевич

Коробка с пуговицами. Рассказы

© Янушевич Т., 2010

© Прашкевич Г., послесловие, 2010

© «Свинья и сыновья» 2010

* * *

Встречная

Утром, как обычно, бегу на рынок. Чудный выдался денек бабьего лета, в золотую искорку, легкий, игривый, такой, что ноги сами подпрыгивают. В этом году на диво всему городу местные власти занялись благоустройством газонов, главное, запретили дворникам мести их метлами под корень, вот газоны и разлеглись вальяжно, любо глядеть, впрочем, и дождей было вдоволь. Яркая, прямо изумрудная трава... какие-то странные видны красные бугорки подле соседнего дома, присматриваюсь – батюшки-светы, четыре ободранные бычьи головы выложены ромбом. Это что же за «Крестный отец»¹ разыгрывается на нашей улице? Спешу перейти на другую сторону.

На следующий день – забылось уже – и ах ты, господи, снова-здорово. Головы явно новые, не заветренные, выверенно повторяют ту же магическую фигуру. Прохожие столбенеют, вытягивают шею, присматриваются... понимая, чертыхаются, шарахаются в сторону.

И так ровно одиннадцать дней. То ли по какому-то зловещему замыслу, то ли случайно совпало. И никто, конечно, не обращает внимания на бомжиху, что сидит под забором, наблюдает представление. Только уж когда сюр прекратился, а заодно и баба исчезла из поля зрения, зашелестели слухи... А до того люди неохотно обменивались впечатлениями, разве что восклицаниями... Зашуршали предположения: «Уж нет ли здесь какой-нибудь связи с годовщиной одиннадцатого сентября?..» Но более всего утвердился слух, что это бомжиха – заметили, под забором все сидела? – так вот, она хулиганила, таскала головы с мясокомбината.

И надо же, как случается порой – в диффузных завихрениях жизни вдруг сталкивает тебя с человеком, с кем вроде бы нет ничего общего, однако залипнешь на него непредвиденным образом, да еще и не однажды.

Например, в один из летних дней в Академгородке прогуливаемся мы по лесу в нашем семейном «приключенческом» составе: мы с сестрой Еленой, внучка Женя и собака Джерри. Сейчас направляемся к морю Обскому. Эта же дорожка ведет к электричке, почему нам и ясно, что тетка, которую нагоняем, тащится с кулями на станцию. Занесет пару сумок вперед, возвращается за оставленными. К тому же прихрамывает. Все так близко, так понятно, когда рук не хватает.

– Позвольте вам помочь?.. Собачку не бойтесь, она добрая, хоть и ротвейлер.

Подхватываем торбы, компания моя идет впереди, а я, приноравливаясь, ковыляю рядом с женщиной, чтобы не волновалась.

– Ах, право, неловко... Вы здесь живете, работаете?

– Работаю в университете.

– Как интересно. А я в нем училась.

– Когда?

– Давно уж... В шестидесятых. На химфаке.

Разглядываю даму повнимательнее. «Университет» звучит как пароль.

– Ну, не давнее меня. Я с пятьдесят девятого, самый первый набор, геофак. Могли и пересекаться...

Что-то вроде бы есть смутно знакомое. Пожалуй, была хорошенькой. Лицо правильное, только помятое сильно. Впрочем, есть такой возрастной эффект: одни лица старость делает рельефными, благородными, другие, невнятные, кажутся неопрятными. Да и бедность не красит. Задрипанный на ней костюм, сапоги не по сезону. Мне колет руку сломанный зонтик, неудобно торчащий из сумки, еще там какие-то нелепые шмотки...

– Да, знаю, конечно...

¹ В книге Марио Пьюзо «Крестный отец» отрубленная лошадиная голова была послана в знак устрашения.

– Как интересно...

Она говорит, говорит, нанизывая имена преподавателей наших первых, моих однокурсников-химиков, тот руководил дипломом, та была рецензентом, этим сдавала кандидатский минимум... Беспроигрышный прием – перечень имен, словно набор признаков, не требующих подтверждения, определяет наш статус, среду обитания и соответствующий исторический период.

– Однако я тоже пойду на пляж, – ее веки, допрежде приспущенные вяло на серые скулы, взметываются, выпуская прицельный взгляд.

Я теряюсь... Не до такой же степени, скажет моя сестра. И тут, недалеко от станции, в ложбине, я вижу, отвернув глаза от спутницы... я вижу бивак бомжей, сушится на ветках тряпье, блистает спицами сломанный зонтик...

– Стойбище робинзонов крузо, – говорю я вслух, настигнутая смутной догадкой.

Тем временем мы уже взлазим на высокую платформу, Ленка решительно устраивает поклажу на скамейку:

– Всего доброго. Не стоит благодарности.

Я еще оглядываюсь – женщина, эдак вдруг приободрившись и эдак вдруг вихляясь, направляется напрямиком в ложбину.

– Ты сразу поняла? – спрашиваю сестру, и мигом вспоминается мне кособокое это приплясывание...

В общем-то, ничего особенного. В начале девяностых, как принято в Новосибирске, проходил ежегодный фестиваль джаза. Только в тот раз заключительный концерт был вынесен в городской парк. Воскресный жаркий день. На сцене с утра неперемный наш шоумен встречает и провожает джазовые оркестры, ансамбли, и снова встречает. Мы, страстные поклонники, рукоплещем, ревим, свистим в четыре пальца, приветствуя каждый пассаж. Постепенно сюда стягиваются праздно-гуляющие, с детьми, с колясками; заглядывает и остается народ с окрестных улиц. Тогда это считалось еще грандиозным событием в городе, что под открытым небом Сибири дуют в трубы «наши дорогие гости из далекой Америки». И не были тогда общепривычны бомжи, их редкий к концу советской власти асоциальный контингент называли просто нищими. Нищая тетка с сумками появляется из глубин парка, подходит вплотную к эстраде. Стоит. Долго. Глядит в лица музыкантов. Начинает притопывать в такт.

А жара во второй половине дня делается совсем нестерпимой. Публика смещается под тень деревьев. В общем, когда тетка уже пляшет вовсю, не выпуская сумок из рук, перед опустевшими рядами она остается одна, на огромной арене вихляется ее комичная кособокая фигурка.

Смех обошел круг, раз, другой и захлебнулся в смешении раздражения, жалости, брезгливости, какого-то непонятого стыда и полупридушенного завистливого восторга. Чуткий наш ведущий отреагировал моментально:

– Танцуйте, друзья, танцуйте!

Не было ничего особенного в телодвижениях этой тетки, никакого нарочитого кривлянья. Мы точно так же бы попрыгивали в ритм, подергивались, имитируя несколько большую, чем на самом деле, раскованность, отчего и возникает в доморощенном дансинге шутовская веселость и доверительность. Молодежь, правда, пляшет самозабвеннее. И маэстро со сцены приглашает:

– Смелее, друзья, смелее! Наши замечательные музыканты стараются для вас!

Мы же словно приросли, прилипли, пригорели к краям сковороды, ни шевельнуться, ни дух перевести. И смотрим неотвязно, как она... В палящем зное негритянских звуков, одна на огромной площади, на выжженном пустыре, под острыми спицами солнца предается какому-то сладострастному, языческому, первобытному обряду...

И надо же, вдруг я вспомнила ее теперь, даже как будто узнала. Я еще оглянулась. Ленка же продолжала путь, не повернув головы. Женька и Джерька уже бежали с крутого обрыва к морю.

– Ты сразу поняла?..

– Почти.

На пляже сегодня народищу, пришлось поискать местечко. Денек чудесный. У нас уже несколько лет подряд летний эпицентр сдвинулся к августу, похоже на Сахалин и Приморье, верно-верно, морской климат образовался, все замечают. Молочная вода лежит в истоме и тут, у берега, не плещет, а льнет кипяченой пенкой. Вдаль плоская гладь уходит без единого возмущения, даже без бликов, уходит, растворяясь, в белое небо, взглядом ищешь границу, ведешь-ведешь – выше-выше – задрал голову над собой, Господи, летишь-плывешь в бесконечности... В общем, в эйфории мирового эфира, невесть с чего взявшейся.

Вдруг я начинаю хохотать, все опять представив, как чинно мы вышагиваем по лесной дорожке, по тропе прошлого благоденствия, волоча нищенскую суму... Я-то ладно, а вот Ленка!..

– Я теперь буду всем рассказывать, как наша чистоплюйка Леночка подтаскивала бомжихе вещички, – ржу я.

Ленка тоже немножко посмеялась и оборвалась:

– Ну, помогли и хорошо, и ладно. Не нам судить. У них свой образ жизни, который мы не понимаем.

Действительно. Не понимаем и вести себя не знаем как. А жалость наша... – это гуманитарная жалость, ненастоящая, та же, что и к бездомным собакам, от нее только стыдно делается. Мне такое одичание людей кажется иногда детским, не потому лишь, что наблюдаешь примитивную, инфантильную «игру в дом» в песочнице за помойкой, но дыхнет вдруг естеством древнего детства рода человеческого. Да что говорить – зов бродяжничества до сих пор будоражит душу, стоит мне отойти на несколько шагов от дома, а уж оказаться в малознакомом районе города и вовсе – в полный рост распрямляется Первопроходец. Особенно на другом берегу Оби, в бывшем Кривошеково, я сразу начинаю играть в «чужой город». Там даже запах иной, нежели на нашей стороне, в Центре. И поводы, приводящие туда, всегда нетривиальны.

В этот раз мне нужно разыскать Детский географический клуб, где будет заседать Географическое общество. Они составляют сборник, и я несу им статью об отце.

Поднимаюсь из метро, осматриваюсь – многие годы здесь задавал ориентиры большой пустырь, ныне он застроен внушительными зданиями, и в разные концы разбегаются широкие проспекты второразрядно-столичного размаха. Между ними кварталы расчерчены хрущевками на манер Черемушек. Во дворах – детские площадки, клумбы, кленовые бордюры, расцвеченные сейчас золотой осенью. Там-сям торчат тополя с отпиленными макушками, прямо из толстых стволов асфальтовой фактуры лезут гигантские листья, молодые, сытые, темно-зеленые. Из подъезда в подъезд перебегают бабы в домашних халатах, перекликаются, перебраниваются. По мере углубления в середину квартала деревенские мотивы усиливаются – сараюшки, бурьян, погреба. Там и размещается искомый детсад с вывеской Географического клуба. Там и размещаюсь я, между небом и землей, между городом и деревней, между времен. Сижу на лавочке, покуриваю, поглядываю, поджидаю, когда общество соберется.

Занятная тут посреди промышленного района оказалась особица. Сараюшки, похоже, сохранились еще кривошековские. Их осеняют драные черемухи. Как всегда неожиданно, ни с того ни с сего шумно и тяжело вспархивают голуби. Пахнет помидорно-картофельной ботвой. Среди бурьяна на лысых буграх разлеглись собаки, греются на солнышке. На лысых буграх – открытые, видимо для проветривания, погреба, крышки откинута эдак фривольно. Меня разбирает смех: «норки нараспашку», как у Воннегута, разбирает смех, потому что вижу

я бомжиху, которая хлопочет возле крайнего у помойки погребца, перетаскивая в него полезные находки. Потому что узнала я ее кособокую статью...

– Что, на зимние квартиры? – расположена я к благодушной беседе.

– Выследила? – ощерилась моя летняя случайная спутница, резко и уже знакомо зыркнула из-за прикрытия чумазой скулы.

Ба, да это ведь она «сидела в засаде» под забором на нашей улице в начале сентября, как же я не разглядела ее тогда...

– И зачем бы мне это было нужно? – приноравливаюсь я к беседе, устраиваюсь рядом на теплом бугорке, о-о, сто лет не сидела на земле посередь города.

– А в Центре у вас охотничьи уголья?

– Ничего я не знаю и тебя вижу впервые. Интересное дело, расселась тут как у себя дома. Лучше бы бутылку принесла.

– Простите, не доперла, сейчас соображу.

Ага, зацепка есть. И чего это я вдруг?.. Но захотелось, просто неодолимо захотелось разговорить тетку. Брать-то что? Водки неохота... В общем, когда я вернулась, с удовольствием отметила, что ассортимент выдержала верно: бутылъ вермута, булка хлеба, плавленные сырки, ну и пара стаканчиков – не из горла же, в самом деле. И тетка знала, что вернусь: на крышке погребца лежал чемоданчик-балетка, как их называли в нашем студенчестве. Застеленный газеткой. Итак, игра началась.

Она открыла бутылку, аккуратно разлила вино, даже и жеманно преломила хлеб и, сделавшись пожилой женщиной с утомленно приспущенными веками, сказала:

– Спрашивайте...

– Извините, вопрос дурацкий, но очень занимает, зачем вы раскладывали бычьи головы у нас на улице? Это как в фильме «Покаяние»? Что-нибудь такое?..

– Я?.. – Ее веки не поднялись, а как бы растянулись в стороны, соорили две нахальные улыбочки. – Вы что-то путаете...

– Но я же узнала вас!

– Это вам кажется.

– Может, вы еще скажете, что и в Городке мы не встречались в августе?

– Как интересно. Ничего такого не припоминаю.

– Но как же! Вы уверяли, что учились в нашем университете, кучу имен называли из общего прошлого?..

– Не может быть. У меня нет прошлого.

Она подлила в стаканчики, пригубила, поглядывая на меня своими жмуркими улыбками нераскрытых кошачьих глаз:

– Прошлого вообще никакого нет.

– Ну, это уж кому как хочется, – во мне взыграло некое превосходство автора, занятого как раз своим прекрасным прошедшим, – а только у каждого человека было детство, были родители, друзья, был свой дом, город...

Она сменила позу, угнездилась поудобнее, подперла щеку и начала вдруг слезливым голосом:

– Что ж с вами поделаешь?.. Тогда уж послушайте. Родилась я в Томске, в начале войны...

– Неужели? Знаете, я ведь тоже, – решила я подбодрить.

– В сорок четвертом году в Новосибирске открылся филиал Академии наук, моих родителей пригласили сюда на работу...

Я вытаращила глаза. Выходит, мы из общего детства?..

– Мать была химиком, отец биологом...

У меня отвисла челюсть. Ну-ка, ну-ка...

– Росла я счастливым ребенком. С любимой бабушкой. По утрам меня одевала домработница. Пока все не рухнуло. Однажды старшая сестра открыла мне страшную тайну – я чужая в семье, подкидыш...

Нет, так не бывает! Это ж Ленка дразнила меня в детстве подкидышем...

– И тогда поняла я, что нелюбима. Я стелала длинными сиротскими ночами, но проклятие настигло всех. Названная сестра болела. Отец оставил нас. У матери случился инсульт...

Господи, что она такое говорит? Вроде бы это моя биография?.. Но как все извращено!..

– И все покатилося, покатилося под откос. В восьмом классе меня выгнали из школы, ни за что, и некому было заступиться. Я поняла, что надо скорее самой становиться на ноги. Пошла в школу с трудовым воспитанием. Работала токарем. Попала в станок – нас заставляли работать ночами – чудом не погибла...

Какое-то наваждение! Почему я молчу, как парализованная? Откуда она все это взяла? Где-то рядом жила? Вместе учились, что ли? Но я ее совершенно не помню! Все же не так!

– В студенчестве, наконец, решилась, убежала из дома. Впрочем, убежала с возлюбленным...

Бред какой-то. Может, рукопись мою читала? Но ведь все навыворот. Прямо психологам флаг в руки. Надо прервать. Только бы не сорваться в истерику. Надо как-то достойно. А она говорит, говорит, нанизывает...

– Был роман с психиатром. Ах, не вздрагивайте, с нормальным профессором. Готова была для него на все! Но кто я такая? Пришлось скрыться, уехать. Нашла пристанище у добрых людей в Москве.

Только не закричать. Она же глумится. Она же именно ждет, что заору. Спокойно надо, спокойно:

– Достаточно. У вас очень богатое прошлое. Напрасно вы говорили, что прошлого нет.

– Как интересно! Накушалась, наконец? Нет никакого прошлого. И не...зди. А это легенда для дур вроде тебя. Еще мало? Могу продолжить...

Ее глазки, зло чиркнув по мне, как бы всю меня перечеркнув, снова заузились в кошачью мордочку...

Но я уже бежала без оглядки, путаясь в чужих дворах, не замечая, что сумерки, обдав все нереальным оранжевым подсветом, схлопнулись тьмой, втолкнув меня в метро, еще пнули в спину вертявой дверью...

Меня всю трясло. Что же это случилось со мной такое? Сама нарвалась. Бред, ей-богу, совершеннейший бред. Так не бывает, не может быть. Ну ладно, допустим, она откуда-то про меня все знает. Может, действительно, подобрала мои черновики в мусорке?.. Вот уж точно, я словно сама в мусорном ящике повалилась. Как же она угадала, что я – это я? Да и зачем?.. Но дело-то не в том. Даже сознаться боязно... Оно откуда-то взялось... неотвязное возникло тошнотворное ощущение, что я повстречала саму себя. Будто я иду по какому-то лабиринту и, раздваиваясь, тычусь в смежные отсеки, а потом... потом «они» сталкиваются, становясь карикатурами друг на друга... Ведь почему я сидела перед ней парализованная? Перед юродивой... А в том и фокус, что были мы... под Божьим взором... неразличимы были, как голые в бане. Причем тут факты биографии?.. Искажение было не более того, как глядя на свою фотографию, подловившую неудачный ракурс, ужасаешься, – неужели я действительно такова?

Обратная дорога кажется долгой в этот раз. Поезд пересекает Обь. В окошки врывается вечерний пейзаж. Мерцают бакены на реке, светится автомобильный мост, и виден город в россыпи огней, словно все это – земное отражение небесного лабиринта...

Частный урок

Две девочки сидят за большим обеденным столом и старательно макают ручки со стальными перышками «лягушка» в старинную чернильницу. Выводят в тетрадках: a table, a sofa, a chair...

Если заглянуть под столешницу, куда одна из них как раз заглядывает, потому что ее незанятая рука не может никак нащупать прилепленную жвачку, потому что вторая девочка, вернее первая, уже засовывает комочек себе в рот и косит карим глазом – кто поспел, тот и съел.

Если заглянуть, то разместились там в ряд четыре коленки: на одной дырка, две заштопаны, не шибко ровно, наверно, хозяйка сама и починяла, а дальше свешиваются со стульев тощие чулки в резинку, как лапшички, не достигая пола. Та, что с дыркой, пихает заштопанную:

– Дай половинку.

– Girls! Stop talking!

Рожицы у девочек смысленные. Заниматься английским им нравится. Но не целый же час сидеть примерно! Они еще не могут заглянуть в конец жизни, когда это раннее усердие принесет неожиданные плоды. Одна станет переводить монографии с русского, другая вдруг сделается писательницей.

Учительница девочкам тоже нравится. Это старая седая дама с настоящим английским именем – Эмма Эдуардовна. Со взбитой седой прической. С высокой верхней губой, которую она поднимает до корней зубов, артикулируя слова педагогическим голосом. Ученицы обмакивают свои перья и пишут диктант, даже не подглядывая друг у друга.

И вдруг ручки застыли одновременно. Девочки наскоро сверились взглядами. Потому что подумали об одном и том же: «А что если чернильницу, будто нечаянно, опрокинуть на этот высокий волосяной стог?..»

– Интересно, сразу будет кричать, или сначала побежит отмываться? – шепчет одна, продолжая выписывать: a head...

– Кричать не будет, она ж настоящая леди, – вторая, закончив слово, в ожидании следующего поднимает невинные глаза, такие же карие, как у подружки.

Легенду про свою учительницу они знают давно. После Первой мировой войны ее привез в Россию лихой поручик, да вскорости и бросил с младенцем на руках. Такой вот трофей достался девчонкам.

Жвачка, которую обе прячут за щекой, поделив пополам, тоже заслуживает внимания. Это, можно сказать, дар от союзников во Второй мировой войне. Когда стало можно получать от них помощь, американский дядя одной из девочек прислал сахар, масло, крупу и неведомую советским детям жвачку.

А у другой девочки – из интересного – только чернильница, похожая на древнюю крепость, но в старину войнам почему-то не давали порядковых номеров, вот никто и не знает, откуда она взялась.

Морковка

Бабушка солила капусту. Тонко-тонко шинковала блестящим ножиком. Мила сидела на табуретке, упершись подбородком в край стола. Когда близко подлетали травяные лапшечки, брала пальчиками и ела. В синей миске ждали своей очереди начищенные морковки. Оранжевые, с желтой серединкой. Если серединку умело обгрызть, получается длинноносое полешко для Буратино. Мила очень хотела стащить морковку. Большую и целую. Но она знала, что хорошие девочки не воруют.

Бабушка на минутку отвернулась за новым вилок. Мила быстренько превратилась в собачку и сцапала морковку. Вот беда, второпях она превратилась не в ту собачку, которая любит морковку.

– Мила, хочешь морковку? Мила, да куда ж ты подевалась?

Зеркало

Старая Нарцисс сидит на берегу и глядится в озеро:

- Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду покажи,
- я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?

Ее молодое отражение складывает губки венчиком:

- Ты прекрасна, спору нет, только нет и тех уж лет...

Нарцисс качает головой:

- Все же нос коротковат. Но чертовски очарователен!

«Гроб еще не привезли...»

Гроб еще не привезли, и тело пока лежит на полу. И видно, что жил вполсилы, а надорвался. Будто завалился пьяный и спит на спине, сейчас всхрапнет. Этого бы не хотелось, чтобы у людей осталось такое впечатление. Народу много придет прощаться. В памяти он останется поэтом-пересмешником.

Второе тело лежит на столе. При жизни она бы уступила ему свое, более комфортное место. Впрочем, для других проявлений сентиментальности у ней особенно-то и не было с ним возможностей. Зато уж многочисленным друзьям будет что вспомнить.

Вот проблема теперь, как их вместе устроить. Это ж надо – умерли в один час. Так любили друг друга.

Парус майор

Авоська за окном – добрый знак, понятный для всех заинтересованных птиц. Большая синица цепко держится за нити сетки, расклеывает пакет. В пакете округлое, жирное, смерзшееся. Ветер задувает под подол перьев, ставит их парусом. Большая синица не знает, что имя ее *Parus major*. Да и зачем ей?

Форточка, откуда свисает авоська, прикрыта неплотно. Сквозь щель сочится тепло и предчувствие сладкого безумья. Можно бы уже протиснуться и улькнуть в клаустомир, покружить там в тесном пространстве, потом вылететь ни с чем. Комната пуста. Этого мало – нужен соучастник, хозяин помещения. Кем он окажется?

Известно ведь, что люди любят делиться на две категории. Одним, например, лучше журавль в небе, другим – синица в руках. Только ты ее сначала поймай! Журавлю это все – безразлично. Он высоко в небе. А синица готова к взаимодействию.

– Твинь, ци-ци-ци...

Стоит подождать, и вот оно! В комнату заходит старая дама. Миг – и Большая синица внутри, пикирует на седой узел. Взмывает к потолку, носится кругами, бьется в стекло, в стены, соскальзывает на пол за шкафом в пыль, широко разевает клюв. Со шкафа сыплются иссохшие реснички бессмертника, ваза покатывается на боку, делает керамическое:

– Ток-клак...

Дама распахивает форточку, машет руками:

– Кыш-кыш!

Синица слепо мечется, рассекает жилую плоть комнаты, из конца в конец, из угла в угол, ударяется в окно, чиркает коготками о стекло, хватая ртом воздух... все ближе, ближе к жесткому потоку сквозняка, садится на раму.

– Цирреррерререре...

– По мою душу прилетала, – шепчет дама.

Но нет, вовсе не то. Просто редко очень попадается человек... как бы это сказать?.. Ничего в нем заметно особенного. Обыкновенный. Может быть, какой-нибудь инженер. Жил один у нас в городе. Ходил по улицам. Сначала в школу, потом в институт, на работу, в гости к друзьям, в театр. Дочку возил в коляске. А только подлетали к нему птицы, садились на плечо, на протянутую руку. И все, больше ничего. Но у каждой синицы есть мечта встретить такого человека.

Под горячим хвойным небом

Мой легкий безвозрастный силуэт на асфальте нагоняет голенастых мальчишек. Они, словно тальниковые прутья, вырастают из длинных плоскостопых башмаков, что наступают на мою тень.

Мы идем к морю. По Морскому проспекту. Который для ребят столь же непреложен, как само наше пресное море, сосны вдоль улиц, Академгородок, двадцать первый век.

А я-то помню, когда был здесь сплошной лес, потом просека, бетонная голубая дорога, саженцы по обе стороны. Мы вставали затылок в затылок, и сосенки были точно в рост нашему поколению шестидесятников – энтузиастов-строителей Городка и первых студентов университета. Задираю голову – сосновые макушки теперь сильно превосходят крыши зданий, отмеряют на вертикали неба высоту нашей зрелости.

Водохранилище, это игрушечное море, было подарено нам очень вовремя, к началу самостоятельного пути, – оно раскинулось от самого порога возможностью дальнестранствия.

В конце Морского мы с парнишками перебегаем шоссе, минуем лесок, небольшой, но полный запахов и воспоминаний. Еще дальше надо пересечь железную дорогу. Стоп! Сейчас по рельсам громыкает нескончаемый товарняк, клацает четками вагонов.

– Один, два, три, ..., десять, – мигом включается счетный инстинкт, – четыре, пять, ..., двадцать, – камешками отскакивают мальчишечьи голоса, – восемь, девять, сорок, ..., пятьдесят, – ведь боишься сбиться, будто можешь пропустить знак судьбы, – шестьдесят, один, два, три, четыре, – получился у всех одинаковый результат.

Хвост состава напоследок хлестнул звуком лопнувшей струны, вильнул, выправился, унося вдаль пару незрячих огоньков.

– Фу, теперь удачи не жди, – взял с места петушинный фальцет, перекрикивая по инерции обвалившуюся тишину, – будто баба протарахтела порожними ведрами.

– Ну уж, не скажи. Шестьдесят четыре! Магическое число! Прямо какой-то китайский И-цзин. Или другой философский ряд. Представляешь, сколько объемов пустоты!

Я разглядела получше нечаянных спутников. Господи, как похожи на нас... Молодые люди, курса эдак второго-третьего. Обычный студенческий треп, выпендрож, необязательная расточительность жестов, и над всей компанией – коллективная аура непрерывного хохота.

Самый длинный напомнил старшего сына моего. В таком примерно возрасте он впервые уехал из дома. Те же брови, словно полет стрижа, а под ними ничего еще определенного, хотя все вместе – сплошное вдохновение.

Когда-то мы подкатывали сюда с детской коляской. Пережидали поезд. Или позднее, держась за руки, бежали по тропинке с обрыва. Мы любили с сыном проводить время на берегу. Строили песочные замки, пускали кораблик, вырезанный из сосновой коры, разводили костер. Плавали по-собачьи. Я и не знала, что это не считается умением плавать.

В десять лет сын стал ходить на яхте, на двухместной скорлупке под названием «Кадет». У них в клубе строгое было правило – не покидать судно, если оно утонет. Следовало держаться за кончик мачты, чтобы не потерять корабль в открытом море. Сын стойко держался всякий раз. Хорошо, залив неглубок. Если же пучина скрывала «соломинку», болтался на месте крушения. А напарник его почему-то всегда сбегал.

– Я его отпустил, чтоб не замерз, – докладывал сын прибывшему на спасательном катере тренеру, – ведь я рулевой.

Через много лет признался мне:

– Так я бы и не доплыл до берега.

Потом стал настоящим морским волком. Покидая дом, прихватил на счастье мои детские сигнальные флажки – когда-то я тоже мечтала быть капитаном дальнего плавания. Ходил

на «Витязе». Участвовал в кругосветном путешествии. Сейчас плавает где-то один. Нет, не из спортивных амбиций. Сделал парусник и выполняет для иностранных фирм частные исследования. Сообщает о себе редко. Недавно сказал:

– Если не вернусь, не жди. Знаешь, почему мореходы придумали Летучего Голландца? Не только лишь затем, что не хватает порой собственных приключений, а «встретил», и вроде приобщился к чужой трагедии. И не только страх это смертного человека перед океаном, где можно потеряться навсегда. Но есть внутренняя сторона страха – неутолимая и дерзкая мечта пуститься однажды в странствие, не имеющее причала.

Ничего себе – не жди... Но сама я думаю, пожалуй, это оседлые люди выдумали Вечных Скитальцев. Глядя, вот как и я сейчас, в неочерченные дали. Туда устремляются причудливые фантазии. И уж они-то не возвращаются назад. Может, проступают иногда на губах стихами.

Я плыву в пресном море, пахнущем песком, и горячей сосновой хвоей, и вялым терпким тальником. По солнечной блестящей дорожке плыву без оглядки. Загребая по-собачьи, как научили когда-то в пионерлагере.

Младший мой сын родился с очень смешными глазами. Они разъезжались на гуттаперчевой мордахе, жили порознь, разносторонне привыкали к окружающим предметам. Когда настало время, сосредоточились под стрижинной скобкой бровей. Мальчик никогда не плакал от боли. Поэтому плакала я.

Вот они носятся во дворе, а мне виден в окошко их футбольный полигон, где сын бьется за свою команду, как на поле боя. Отдается весь без остатка. Слава богу, голова цела – мажу зеленкой коленки.

Вот они с другом поехали в летний лагерь. Друг там сразу прилепился к парнишке-вожаку.

– А ты как же?

– А я решил, пусть лучше буду третьим лишним, одному совсем плохо.

Из лагеря вернулись, парнишка не куда-нибудь, но в наш дом привел за собой ватагу приятелей.

Вот они бегают в спортивный клуб на теннис. Мой – самый маленький. Но на соревнования берут. Приносит грамоту – «За волю к победе».

– Это как?

– Ну, понимаешь, сначала я, конечно, думаю, что выиграю. Потом стараюсь не проиграть. Проиграть с небольшим разрывом. Стараюсь, наконец, играть красиво каждый мяч.

В его комнате вся дверь оклеена грамотами. Да вдруг стал бурно расти, и будто кожа сделалась маловата. Ходит, вытягивая шею, как верблюжонок, долгоногий в огромных плоскостопых башмаках. Пришлось оставить спорт.

Вот мы на университетской базе отдыха. В первый день еще совсем чужие. Как тут у них принято?.. С общей кухни пахнет компотом из сухофруктов. Пахнет горячим небом и хвойными струями. Сыровато пахнет крапивой, снытью, зарослями малинника, что сразу за фанерными домиками у изгороди. Заедают комары. Словно вспоминаю, вижу – соседи наши гоняют сизый дым, размахивая кадилами из консервных банок. Сейчас они направляются в столовую. А по дорожке, чуть в сторону, – беленый известью скворечник на одно очко. Кто-нибудь внутри, другой снаружи докрикивает разговор. Рядом, возле длинного умывальника дурачатся взрослые дети, брызгаются из многочисленных сосков. Мы с моим долговязым студентом переглядываемся счастливо:

– Надо же, очутились вместе в пионерском лагере.

И что еще здорово – отметили оба – большие железные ворота на въезде прикрыты неплотно, в любой момент, хочешь – выходи. Такой вольности никогда прежде в лагерях не бывало.

Вечером мы развели костерок на берегу. Не хуже других и не лучше. Не знаю почему, но пока я ходила в домик за куртками, все стянулись к нашему очагу. Хохотали, пели, сын мой оказался в самом центре кутерьмы. Хотя только его-то голоса и не слышно. Хотя это в его глазах отблеск веселья преломляется откровенной влюбленностью.

Он вообще немногословен, он вниматель. Не зря же друзья просиживают у него ночи напролет. Да нет, он не плечо и не жилетка. Сидит напротив, и весь – твой, без остатка. Это ж ясно: чтобы разобраться в себе, людям важно услышать собственное эхо. Считать его с лица напротив. И довольно нескольких всего ответных слов, чтобы не потерять чувство юмора.

Я развожу на берегу неременный костер. Собираю сухие ветки и шишки, долетевшие сюда с обрыва. Там, наверху, напряженно скрючились когти деревьев, уцепились за край. Ниже крутизна неприступно топорщится шиповником и мелкой акацией.

Чуть дым возбудил воздух, к огню подобрались мои юные незнакомцы. Не сама ли сигнал подала?.. Это ж не тайна, что пожилые люди хотят быть приятелями своих детей. И ребята меня признали. Болтают, смеются. Они-то поосновательнее подтаскивают дровишки. Возле нас оседают новые компании. Пожалуй, сделалось плотно на одном пяточке, тесно. Пора мне и честь знать.

Поднимаюсь по торной тропе, стою еще долго на песочном утесе. Разглядываю сияющие паруса в настоящей морской синеве, узкую косу, что вытянулась на четверть горизонта, редкие сосны на ней – карандашная штриховка, обесцвеченная солнцем. Смотрю вниз, на дымный вихор костра.

В общем-то, в эти простые гаммы вполне укладывается судьба. Надо сказать, сентиментальная моя душа, не отпуская ни на шаг, не позволяет мне попасть в очень уж большую беду. Подумаешь, пролетели шестьдесят четыре вагона, груженные до отказа событиями! Не так и далеко умчались они.

Под ноги ко мне из шиповниковых зарослей выныривает смешное чумазое существо. Эдакая малолетняя Маугли.

– Не боишься свалиться с кручи?

– Да ты что! Там же...

И осеклась. И длинную секунду проверяют меня глазищи из-под острокрылых бровей... Господи, глядят прямиком из моего детства.

– А это видела?!..

Развернула кулак. В середине круглой ладони улитка. Глаза же испытывают, стоит ли до конца выдавать секрет.

– Классная находка! – говорю. Допускаю завистливую ноту, и восхищенную, и недоверчивую.

– Я знаю, где они водятся! Хочешь, покажу? У меня уже восемь штук!

Антреприза

Старые книги могут выронить иногда несколько страниц в нашу судьбу. Они уже сами по себе сентиментальны, эти желтые листки с хрупкими краями. Их истории зачитаны до дыр, до слез, и конец давно известен...

А вот поди ж ты!

Настоящий герой этого рассказа, конечно, Вадим Иванович Суховерхов, руководитель клуба «Старая пластинка». Он – Автор, от лица которого история произошла. А мы – публика в Большом зале филармонии. Предназначенный нам концерт посвящен старому Новому году, что уже располагает к иронии и к ретро:

– Да?!.. Да?!.. – акцентирует Вадим Иваныч со сцены. Он вовсе не ищет доверительности, просто легкий будораж, прицелкивание каблуков. Мы ведь и так – весь полнехонький зал – его приятели и поклонницы, ловим каждое слово. По-моему, это высший уровень актерского мастерства – вести беседу с подмостков, как бы ничего не изображая.

Даже когда он поет «оперным» голосом, или «цыганским», или «вертинским», смещая серьез до условности, – это беседа. Ведет «соло на трубе» без всякой дудки – беседа. Его концерт – изысканная беседа. Музыканты любят с ним выступать, и нам, вплоть до галерки, видно – они тоже ловят каждый его жест.

И вот что главное – называя его фамильярно Вадей, зная насквозь бытовые его чудачества, угадывая с намека интонации его шуток, а многие анекдоты они вообще сочиняют с мужем моим Вовой у нас дома... – на сцене мы встречаем Артиста.

Приятельство оседает в глубинах души, неурядицы остаются за кулисами...

К рампе выходит Вадим Суховерхов!

Аплодисменты.

Итак, тринадцатое января. Концерт в преддверии православного нового года. Вадим подает очередной номер, высоко вскинув, как ударом хлыста, неизвестное имя.

– Встречайте!

Зал рукоплещет. Мы благосклонная публика.

На эстраде появляется российский менестрель с баяном. Забавно, необычно, что в народном костюме. Сейчас заголосит!..

Не сразу стало понятно, что он запел, а как бывает, зазвучит внутри что-то такое щемяще знакомое, и пробуешь голосом, чтобы получше вслушаться, влиться...

В общем, он спел две песни, коротко поклонился и ушел.

А мы остались «в своем состоянии», от растерянности даже небурно похлопали. Шпрыхталмейстер где-то там отвлекся в суетах, не встретил, чтоб вернуть, и уж потом вывел заново:

– Вы что же так скоро опустили?

И мы очнулись, зашептались:

– Как, как он его назвал?.. Евгений Иванович?..

– Ну тихо, дайте послушать...

И снова, словно эхо по холмам, возникновение песни. Он поет костромские напевы, плачи, воронежские, курские... Чуть трогает лады своей гармоникой. Потом вовсе ее оставляет, сомкнутые руки близко к лицу, лицо непроницаемо, глаза прикрыты, рот отверст, льется, вольно льется голосовой поток, снизу его ласково поддерживает подбородок...

Никакого надрыва, выкриканий, наигрыша. Его не хочется назвать Лелем, несмотря на костюм с нелепой серебряной каймой. Голос высок, но не слащав, и вообще, он скорее показывает, чем исполняет. Хотя бережит, бережит какие-то древние, сокровенные слезы... Несколько слов о себе, – вот ходит, собирает песни, записывает... здесь проездом... пожалуй, и все.

После концерта фуршет. Артисты расслабляются, ну и кое-кто из приближенных, в том числе и мы с Вовой. Курим в сторонке. Подходит Евгений. Конечно, вопросы.

Откуда такой? Костромич? А сейчас двигаетесь от Хабаровска?..

Да, служил там. Окончил Гнесинку. Преподавал. Побывал с ансамблем в Японии, Китае, Америке.

И так вот ходите, собираете?.. На дорогах не обижают?..

Бог миловал. Если что, пою. Люди же понимают.

И скоро я замечаю: курильщиков целая компания набралась, и оказывается, это уже я рассказываю о своих бродяжествах, о том, как люди любопытны к путникам-странникам, зазывают их к себе, кормят, жадно выслушивают: а вдруг с ними правда?.. И делятся охотно всем, что сами знают, – вот пойдут, понесут, другим передадут... Ну, понятно, и легенды... Как-то раз на базарной площади в Киеве повстречались нам цыгане, что водили за собой, как медведя, слепого певца... и так далее.

Евгений кивает, соглашается, он достаточно вежлив.

Он уже в нормальном светском костюме, за столом почти не сидит, с удовольствием поет по первой просьбе, играет на фортепиано, романсы, пробует джаз, импровизирует. Однако он явно имел успех. Это надо ж, бросить все и пойти собирать!.. Что? Уговаривали остаться в Америке? Ну, конечно, как же нам без России!..

Евгения целуют женщины, обнимают чиновные служащие филармонии, спонсоры выражают восхищение. А это можете спеть?.. Bravo! А вот это?..

Вова пишет на бумажных тарелках частушки-экспромт, Евгений берет с лету.

– Ничего сложного. Только, простите уж, скажу, ладно? Частушка не терпит мудреной рифмы. У всякого жанра есть свой закон.

Они затевают игру. Вова дает первые строчки, Женя завершает. Всеобщая эйфория признания.

И видно, видно, как Женя счастлив, как не хочется ему расставаться со своим праздником. А уже прибирают стол, уже стягивают к краю остатки питья, к краю, где сидит Вадим Суховерхов, усталый, безвольно отмахивается от назойливости подпивших поклонниц:

– Полноте, Мария Аркадьевна, помилосердствуйте...

– Ах, вот вы какой высокомерный! А с эстрады кажется совсем иным!

Торжество свертывается, и вот что еще видно: Евгению некуда будет деваться в столь поздний час. Я шепчу Вове:

– Давай, позovem его к нам...

– Спасибо, но неудобно как-то... Я могу на вокзале до утра...

– Дружище, – Вадим приобнимает дебютанта, – и как Вы себе это представляете? Вот мы с Вами и с моими друзьями – Владимиром Федоровичем, Татьяной Александровной, Людмилой Дмитриевной!.. На вокзале?.. будем встречать Новый год?!..

За столом, в декорациях уже нашей кухни, достаточно просторной, чтобы вступление могло быть даже и чопорным: тарелочки, салфеточки, фужеры, мы «во фраках» навеличиваем друг друга, наш сын Мишка, то есть Михаил Владимирович, так и застыл с узнающими глазами – вот это да! Ведь только что на концерте, а теперь прямо к нам в дом упала эстрадная звезда! В середину стола я водружаю свечку, и мы спохватываемся, что как раз находимся в моменте перехода в следующий год. Один сохранившийся «бенгальский огонь» вручаем герою дня. Боже, как нас красят детские атрибуты! Евгений с этой волшебной палочкой в руке, в сиянии мгновенной россыпи, он же сам себе кажется мальчиком, царевичем, вне возраста, вне земных забот, которого, наконец, разглядели, узнали...

Пел ли он когда-нибудь лучше? Впрочем, и мы ведь разнежились, разомлели, с нами можно было делать, что вздумается. Мишка, необычайно для себя, разговорился, все поднимал тосты. А Женя не чаял поверить: разве таким молодым-современным может быть интересно?..

Честно сказать, я не очень-то люблю фольклор, но сейчас, вослед за ним, я с готовностью шагала от села к селу, стояла там где-нибудь на высоком берегу «по-над речкой быстрой», тосковала по неведомой деревенской «родной сторонешке», над которой звезды густы-часты, а в окнах горят горькие огни, дорога же уводит дальше по холмам, по льняной траве уходит суховатая фигура с баяном в рюкзаке... В общем, еще немного, и, казалось, я вполне созрела идти собирать голоса земли...

Однако моим друзьям хорошо известна склонность моя к очарованности, да и Вадим Иванович – режиссер – никому не позволит произвольно отлучиться, сегодня он «ведет нашу новогоднюю ночь».

Вот они поют романсы на три голоса, у Людмилы Дмитриевны, у Людочки, тоже незаурядные данные.

– Вадим, позвольте, я все же скажу? Ваша гитара не строит, – наступает Женя на голос своей почтительности.

Вадя устал, даже изможден, – еще бы, три часа кувыряться на сцене, как он это называет, а сколько закулисных хлопот!.. В общем, он порывается еще повыкрикивать, но спускает:

– Евгений Иванович, старикашка, пой, не умолкай!

К утру репертуар дал крен в «попсу». Мы с Людочкой переглянулись: оно конечно... Однако Женя чутко уловил повисший было невесторг.

– Ладно, ладно, что нескладно. Понравиться хотел. Вот лучше другую...

И все-таки стало просвечивать, что ему часто приходится петь на потребу, не удерживает стиль. Да и мы довольно захмелели.

Ну уж когда пошел Есенин, мать-старушка в ветхом шушуне... – ой, нет! Ведь я сама была с детства заражена его стихами. Но песнопение, мне кажется, фальшивит, берет не ту ноту, упрощает звуковую ткань до нытья, и всяк еще смещает на себя, бьет на жалость, эдакий он забубенный – «ах, и сам я нынче...»

Просвечивать, просматриваться стал иной рисунок, даже во внешнем облике. Нет, никуда не делись благонравные манеры, это своеобразное изящество, которое заключено в самом слове «менестрель»... Проступил, обозначился уже знакомый нам рисунок «музыканта из подземного перехода». На прошлый концерт Вадим приглашал двух виртуозных гитаристов, на предыдущий – скрипача...

Мне сразу представилось, как Вадим Иванович эдак к полудню, приняв ванну и размеренно позавтракав, выходит из дома на смежную нашу улицу, и как бы пробуя тротуар подагрическими ногами, неспешно отправляется по своим делам, может быть, и бутылки сдавать – в пластиковой авоське не видно. Я не успеваю его окликнуть, сейчас он завернет за угол, эта его объемистая фигура в кургузом пальто, «надетом пря-амо на рука-ва, шапчо-онка теплая на вате, чтоб не зазя-бла голова». Боже правый! До боли родная фигура.

Он спускается в переход, и слышен там профессионально-чистый голос...

«Вы же знаете, я не люблю самодеятельности!» (В. И.)

...голос, усиленный подземными сводами до концертного звучания.

«Я же король фонограммы!» (В. И.)

Он же ко всему окружающему испытывает острый интерес и готовность отрежиссировать ситуацию, это ведь только кажется, что неповоротлив.

– Вы меня видите? – обращается он к миниатюрному певцу с баяном, в темных очках и кожанке, стоившей когда-то дорожке всего Вадиного гардероба.

– Вижу... А очки, потому что стыдно.

Вадим делает паузу, вовсе не для того, чтобы поразмышлять, – он уже все услышал и все решил, долгую паузу... чтобы тот пережил и проглотил свои эмоции, изнемог от нетерпения, и..! – с ним уже можно работать.

Я представляю себе, как Евгений, сняв очки, увидел перед собой Барина в бобровой шубе (как Суховерхову и надлежало быть), с манерами старомодными – в них будто узнаешь Шалапина или, например, Куприна, с голосом обширного современного диапазона...

Ничуть не сомневаюсь, что на обратном пути, сдавши бутылки, прикупив хлеба, пива, может быть молока, Вадя «взял извозчика», и они за компактный рейс в два квартала успели снабдить друг друга парой-тройкой анекдотов и житейских «опытов».

Итак, на нашей кухне. Один с раздрызганной домашней гитарой, второй с концертным баяном, супротив-наискосок сидят автор и его герой. Я тоже обычно стараюсь занять место визави к Вадиму Иванычу. Интересно, видит ли Евгений Иваныч то же, что я давно разглядела, но каждый раз ожидаю «Представленья».

Вадим весь – театр. Однако под хмельное утро было бы слишком требовать пластики от осевшего грузно тела. Вот руки – да, их пухлая вялость вполне держит действие «Капризы барского застолья»: крутит перечную мельницу, сыпает соль с ножа. Или кисть зависла на взлете, если в бокал еще не удосужились налить... и так далее.

Но самый спектакль на этих кухонных подмостках – голова. Театр Сатиры – СТС, когда-то Студенческий, потом Самодельный, теперь просто Суховерхов – Театр Сатиры.

Актеры, то есть черты, расставлены выверенно на массиве лица. Занавес условен, как принято в его концертах, обозначен маской очков. Укрупненные глаза за отблеском тяжелых стекол не сразу показывают свой взгляд. Высокий лоб вздымается лысым куполом, по вискам типизирован кудрями, вальяжные щеки, нос прямой, неопределенность длинной линии рта. И мигом понимаешь, какая динамика заключена в этой линии. Вот он еще не заговорил, только ужимка приподняла кончики, зафиксировала намерение, соответствующий наклон головы – и вы получаете настрой, словно он дал зрительную ноту вашему инструменту, ваш слух на изготовку!.. Ан прозвучать может нечто вовсе неожиданное.

– Смешно, – констатирует режиссер.

Его разговорный голос отчетлив, рот артикулирует до аз-бук-венного расклада, певческий голос располагается точно в гортани.

А бывает, губы сложатся так мягко... – да, он ностальгичен, сентиментален, почему бы нет? И вот уже неуловимо утончились... – он ироничен, да, в любой момент. И щеки сразу гуттаперчевы, играют мячиками скул.

Не часто, в эпизодах, как характерный актер, берет на себя внимание подбородок, рассчитанно обособливаясь на авансцене второго.

– Я не слишком интеллигентен для вас?..

Вот повернулся в профиль. О, это репетиция... Конечно, «Репетиция оркестра»! И Феллини тоже.

Со множеством противоречий и страстей. Нос с горбинкой, высокомерие заметно, резко вскидывается или кивает в такт, дирижирует. И гамма ямочек-ужимок по клавиатуре мускулов щеки.

Вид сзади – тоже маска. Режиссера. Из венца взлохмаченных кудрей лысина лаконично завершена острым яйцом. Вдруг обернулся, снял очки... Боже! – близоруко, безоружно смотрят на меня ярко-карие глаза Натальи Петровны, глаза его матери, очень живые в орбитах фасонного кроя «ретро», – так они и остановились на фотографии в осиротевшей Вадиной квартире.

Впрочем, Вадима Иваныча уже пора отпускать домой. Это длительная процедура, состоящая из нескольких актов, с переменной костюмов и массой номеров, трюков, курьезов, уговоров, ритуальных жестов, канители, куража, крика, смеха...

– Дружище, никогда не забывай Вадима Иваныча!

Я представляю, как Людочка его поведет... Их парный рисунок, подретушированный утренними сумерками...

Занавес.

Ну а мы, оставшиеся в зале?..

Словно получили повод для большей откровенности. Слово за слово, вокруг да около... Я решила позволить себе бесшабашно рассказать – должна же наступить развязка:

– Это было в Москве. Спускаюсь в метро. Поздно, народу почти нет. Далеко в переходе разносится: «Ты скажи, ты скажи, че те надо, че те надо...» – один на балалайке, другой на ложках наяривают от души. Так мне весело-забавно стало, опустила им в банку десятку и показала большой палец, дескать, – «Во!» Они малахольно отделились от стены и тронулись за мной, наигрывая. Ну и я пошла впереди с приплясом. Так спустились до платформы. Помахала им из вагона, они развернулись и подались обратно.

Женя напрягся.

– Оставь, старикашка, – Вова продолжил Вадины интонации, и добавил уже серьезно: – Видишь, мы перед тобой открыты. А дальнейшее общение зависит от тебя.

Сполох обиды в глазах. У нас же в Сибири не принято спрашивать. И все тут могло сразу развалиться.

– Знаешь, у меня небольшой опыт бродяги, уже говорила, но если выбрал себе дорогу, обид быть не может. Тебе никто ничего не должен, как и ты никому.

– Ну ладно. Ладно, все нескладно. Какой я бродяга! Мне бы только на сцену! Конечно, надо же кому-то рассказать. В общем, жена... Все бросил, уехал... Стучался в каждую филармонию... Добрался до Новосибирска... Кому я нужен?..

Я смотрю ему не в глаза, пусть прольется, эти гримаски мучают лицо, когда человек еще не изжил потерь и унижения. А падение в подземелье – что ж? Оно так буквально, что почти понарошку. Ведь талант твой при тебе. Надо будет ему потом сказать. Эти мне «дети подземелья». Конечно же, он – «бродячий музыкант». Стоишь, а толпа движется, течет, гул поездов... И как на больших дорогах, ожидаешь чуда...

– ...Около меня остановился и говорит: «Вы меня видите?» Я опешил, но сразу снял очки, будто подчинился. А он молчит, молчит. Такой вроде не должен прогнать. Молчит... Вдруг протянул руку: «Вадим Суховерхов. Есть возможность завтра выступить на концерте. Приходите вечером в филармонию поговорить, у меня будет репетиция».

Позднее Вадим пересказывал:

«Приходит вечером. Без баяна.

– ...?

– Вы же пригласили поговорить.

...Действительно, с какой стати? Он же профессионал. Довольно разговора. Впрочем, я не сомневался, что будет успех. Вот Эмский проиграл мне накануне весь свой репертуар, а на концерт не явился, мать твою, запил. Потом приходил извиняться».

Женя не стал у нас отсыпаться, поехал к себе в пригород, где снимает квартиру. Оставил баян и кофр с костюмами:

– Завтра заберу.

День, два, неделя... в общем, как настоящий артист, он сделал о-очень большую паузу. Мы уж и не знали, что подумать. Хотя догадаться на самом деле было несложно. Ну, а какой эпилог мог получиться у этой «святочной» истории? Он давно описан в классической литературе: разочарование – на российский манер, или «нетерпение сердца» – на западный.

Да, еще ведь должен был появиться эпизодический герой. Бобровая шуба, которую Автор сбрасывает со своего плеча на спину подопечного. Я сбросила с нашего семейного плеча полушубок, который здорово выручал меня, Вову, Мишу, – все же здесь не Приморский край.

Скоро месяц, как мы с Женей почти каждый день распиваем чай на нашей кухне. Беседуем. Иногда он привозит настоящего молока из своего пригорода. Или добавляет к общей трапезе кусочек сыра на заработанные в переходе денежки.

Вот на этом, не заглядывая в будущее, и оставим точку.

Всё путём

Фирменный поезд «Сибиряк», кроме купейных, возит два плацкартных вагона. Между собой их различают «ковровый» и «бесковровый». Ну и по цене соответственно. Старая рядовая интеллигенция выбирает «бесковровый».

Анна Матвеевна всегда немножко нервничает перед отъездом. Московские приятели подшучивают над такой провинциальностью, но покорно тащатся провожать и еще минут сорок торчат на перроне. Впрочем, радуются, потому что выкраивается внутри житейских забот вольный момент будто бы из былой бравой молодости. У кого-нибудь обязательно оказывается фляжка с ее любимым коньком. Пьют из горлышка, хохочут, курят.

В этот раз Анна прилетела на похороны старинного общего друга. Поэтому веселья не было. Расцеловались. Проследили, как ее подростковая фигурка в смешном, не по возрасту полушубке поднялась на площадку тамбура, обернулась, постояла, прижав кулачки к подбородку, встретилась взглядом по порядку с каждым, махнула рукой, чтобы уже шли, и скрылась. Да и холодно было на исходе ноября.

В вагоне Анна Матвеевна сняла полушубок, оставшись в брючках и свитере. Придвинулась к окну, достала книжку.

Напротив, за столиком сидела девушка. Тоже в свитере и брюках, тоже листала книгу. Надо же, учебник по математике. Светленькая, челка свесилась на глаза. Выпятив губу, дунула вверх, челка разлетелась, и на миг стрельнул из-под нее пыливый зрачок. Разведка показала, что можно отодвинуть занавес рукой, выйти из укрытия.

Женщины обменялись взглядами – примерно так мимоходом на улице сверяются они с отражением в стекле витрины.

– Девчонки, мы пока посидим тут у вас? Ой, простите...

В общем да, с лицом уже не ошибаются, – подумала Анна Матвеевна. Хотя были у ней еще яркие, длинно размеченные глаза, были темные брови вразлет, стрижка под пажа. Резкая на черном седая прядь могла сойти за нарочно покрашенную, будь она помоложе. В ответ улыбнулась. Девушка вмиг опустила челку.

К ним в боковой отсек набились парни в военной форме, сели на лавки тесно. Ну, конечно, дембели возвращаются домой. Моего раньше привезли... Живой. Мариночка дождалась...

Пахло сапожной ваксой, сырым брезентом, заскоружло шаркали бушлаты, когда терлись соседние рукава. Лица были как будто плохо промыты, они стояли в нахохленных воротниках довольно угрюмо. Как у сильно уставших крестьянских мужиков. И почти не различались.

Чего-то все ждали. Может, еще какого-то дополнительного приказа, может, просто отхода поезда. Тихо и коротко сообщали друг другу:

– Чечня. Десантная часть, номер...

– Калининград, погранвойска...

– Чечня... номер...

– Северный флот... Чечня...

И так далее. Вроде как и не знакомились. Без эмоций, без рукопожатий. Иногда назывались местности и цифры... Анна охнула, догадываясь, – это место боя и число потерь.

По проходу торопливо проталкивалась лоточница в фартуке поверх пуховика:

– Кто еще забыл купить мороженое?..

Воины стали шарить по карманам.

– На тебя брать?

Теперь сидели и ели. Как дети. Один достал чайную ложку и съел свое очень быстро. Сгрыз стаканчик. Ложку облизал. Протянул соседу:

– Надо? Так удобнее. Из дому еще захватил. Видишь, подписана. Не расстаюсь с ней. Поезд дернулся. Раз, другой, заскрежетал...

– Успел примерзнуть.

Хозяин ложки посмотрел на ручные часы. Ровно через пять минут – снова. И словно все ждали-таки команды, молча поднялись и схлынули.

Анна взяла сигареты и пошла курить. Из тамбура в дверь рванулся белесый дым. Она сновисто скользнула в толпу бушлатов. Солдаты передавали друг другу бутылку водки. Пили, держа палец на условной отметке. Никакого смеха. Те же короткие сообщения. Доложил, отпил, передал следующему. Анне хотелось быть среди них. Но и неловко как-то.

Вернулась. Якобы уткнулась в книжку. Девочка, надо же, еще что-то усердно писала в тетрадке.

– Задачи решаешь?

С ней рядом устроился владелец домашней ложки, что лежала теперь на столе, мельхиоровая, с витой надписью. Парень уже снял куртку. В гимнастерке с белой полоской подворотничка выглядел совсем юным. Каким и был на самом деле.

– Хочешь, я тебе все решу? Для меня это семечки...

– Нет, я люблю сама. И потом, экзамены-то мне сдавать!

Наверно, был смышленным школяром, смотрела Анна Матвеевна, чубчик все теребит. Стесняется вряд ли.

– Где учишься?

– В универе. Новосибирском. На мехмате.

– Клево. Я тоже буду поступать. Не выбрал еще куда. Хочется только домой!

– А где ты живешь?

– На Урале. Вот ночью сойду в Екатеринбурге, потом автобусом три часа. Может, попутка будет. Пешком бы побежал!

– Чё, задачки решаете?

Подсел тощий жилистый паренек. С половиной узкого лица. Вторая упрятана в бинты между марлевой шеей и шапочкой на голове.

– Не бойсь! Там все будет путем. Даже глаз на месте. Хочешь, дырочку проковыряю?

Подошли четверо ребят. Анна хотела прижаться совсем в угол, но вовремя сообразила: еще двое несли бутылки, общипанную буханку хлеба.

– Подождите, пожалуйста.

Она вытащила свои дорожные припасы, напластала на газетке сыра и колбасы, напластала, – отметила сама, – так ухватистее брать руками. И отсела на край полки к проходу. Девушка Вика, как откуда-то сразу стало всем известно, спрятав тетрадку, высыпала на столик конфеты и яблоки. А книжку приткнула к окну, словно табличку: «Курс высшей математики». Защищается на всякий случай, подумала Анна.

– Простите, а как вас звать? – спросил ее чернявый, с невыбритой верхней губой. – Вы похожи на мою маму.

Она вспыхнула и прижала кулачки к подбородку.

– Да, у меня такой же сын. Тоже черноволосый. Он... Он сержант. Анна Матвеевна меня зовут.

– Ну, значит, братка. Вы с нами выпьете? Сейчас...

Он допил из своей кружки, налил и подал ей. Тостов никто не говорил. Просто время от времени разливали по кружкам, сколько их хватало, выпивали, прежде стукнувшись краями, доливали и передавали другим. Пили какую-то бормотушку подешевле. Но не наотмашь.

Опьянел только один, забинтованный Генрих. Он вообще заговаривался. Может, слишком спешил шутить, может, узко ему было, неудобно открывать рот. И все вязался к Вике, чтобы поцеловала его:

– Смотри, я специально место оставил. Все время видел тебя в мечтах, как ты целуешь меня сюда, – тыкал тощим пальцем в щеку, – сюда, хоть один разок.

Вика смахивала челку рукой, смеялась. Ей нравилось быть в мужском обществе.

– Ну, хорошо. Только обещаю, что сразу полезешь спать. Вот сюда, на верхнюю полку, – она потыкала пальчиком над собой.

Генрих расстелил бушлат. Он лег на живот, вниз лицом и поджав плечи внутрь, словно накрывшись собственной спиной.

Никто не говорил о войне. Хотя большинство здесь было из Чечни. Разве что пограничник из Калининграда, деликатный Миша, хозяин ложечки, тот, задачки кому, словно семечки. Наверно, он на радарх там служил. Да еще вот чернявый балагур Серега, который постоянно проверял молодые усы, подводник Северного флота. Остальных Анна не успевала выделить. Они перемещались к другим компаниям в вагоне, уходили курить или за вином, сюда прибывали новые, все уже знали друг друга, подхватывали с полуслова. Кому-то нужно было выходить. Тогда все снимались с места, и Вика с ними, бежали провожать. Возвращались разгоряченные с мороза.

Как быстро они передружились, думала Анна, впрочем, если вспомнить, не так ли и мы?.. Молодость сразу схватывает. А эти особенно... Правильно, что не говорят о страшном.

Она заметила, что уже глубокая ночь. Заметила вдруг, что проход весь забит узлами. И сидят на них или, где есть местечко, на боковых полках, сидят цыгане. Как в общем вагоне. На какой же это станции? И наверно, ждут, когда освободятся места после Урала.

Она заметила, что держит ладошки цыганенка, красные ледышки, отогревает их, оттаивает, а он плачет.

– Конечно, больно, миленький. Как же ты без рукавичек на таком морозе? Чуть-чуть еще, сейчас все будет хорошо.

– Мы не цыгане, мы молдаване, – почему-то поясняли ей кучерявые тетки в курчавых же пуховых платках, – из далёка едем, не думали, что так холодно. Потерял перчатки. Не сказал.

Темные мужики смотрели без выражения. Пацанчик уже не плакал. Он спал, доверив и голову свою Анне, уткнувшись ей в колени. Она тихонько покачивалась, хотелось баюкать.

Ребята же болтали напропалую.

– Мамане налейте, – спохватывался Серега. Готовил бутерброд, выравнивал по хлебу куски сыра, сверху кружок колбасы. Подносил кружку близко к губам, чтобы не тратить ей движений, ждал, сколько захочет отпить:

– Вот так славно будет.

Трогал усы.

– Как думаете, успеют отрасти до дома?

Болтали напропалую. Солдатские истории мало отличались друг от друга, как и фотографии, которые ходили из рук в руки в стандартных альбомчиках. Анне не удавалось ладом разглядеть. Слушала. Смотрела в лицо каждому – мой мальчик так же бы рассказывал...

Незатейливые истории сливались в одну общую. Да и что в них могло оставаться особенного, за вычетом всех ужасов. В одинаковых интонациях звучали будущие планы:

– Сначала добраться до дому! Месяц буду гулять без просыпу! Или два! Ну три, от силы. Потом пойду учиться. Это точно. Иначе пропадешь.

Дорогие мои мальчишки, думала Анна, все это благие мечты... Осядете вы в своих деревнях и засосет...

– Стой-ка, подожди! Какая красивая девочка!

Сейчас ребята показывали друг другу отдельные альбомчики. У каждого был такой, где хранились фотографии девушек, с которыми они переписывались. У Сереги было целых два заветных альбома.

– Дай еще посмотреть. Я прямо влюбился!

– Без шуток? Тогда я тебя познакомлю. Держи фотку. Адрес там записан. Знаешь, сколько я пар уже свел? Вика, ты не смейся. Письма валом валят в часть. А девчонки ведь надеются. Я собираю те, что никто не взял, и отвечаю. Ну на всех бы женился! Чего вы ржете? Я хоть и веселый, но верный. Это все сестренки хорошие. А моя? А моя меня ждет.

– Покажи, которая?

– Не, она не здесь, она вот где, – похлопал по груди.

Поезд подходил к Екатеринбург. Засуетились. Многие были из уральских сел. Вика достала фотоаппарат и тетрадку.

– Ребята, скорее пишите свои адреса! И давайте сначала выскочим раздетые, я всех сниму. Здесь не поместимся. Потом будем прощаться.

К утру ряды поредели. Рассосались и молдаване. Потихоньку все устроились спать.

На другой день отсыпались долго.

– Пу-усть сол-да-ты немно-о-го по-спя-ат... – напевала Вика, разгребая столик для чая.

– Ой, ложечка! Миша забыл. Отдать ее проводнице?..

– Да зачем же? Прибери к себе. Потом пошлешь ему. У тебя же есть адрес.

– Ой, конечно. Спасибо, Анна Матвеевна. Вообще, спасибо вам. Вы так здорово все сделали!

– Что ты, девочка моя! Я тут вовсе не при чем. Это ребята такие славные. И ты – умница.

– Ну, разве ж я не понимаю!

Пили чай. Тихонько разговаривали. Вика училась на втором курсе. В Москву ее срочно вызвали к любимой тете, которая чуть не умерла. Но все, слава Богу, обошлось.

– Я бы себе не простила никогда! Она мой самый большой друг! Она, как Вы, ничего не нужно объяснять. С родителями сложно.

Анна Матвеевна молча слушала, улыбалась.

Когда она ходила курить, шла по проходу, на боковых местах за столиками сидели молдаване, по двое, ели какую-то горячую мясную еду. Поднимали серьезные свои, без выражения лица, кланялись ей... Она тоже улыбалась. А тетки, те трещали по-своему. Парнишка выглядывал из-за мамкиной спины. Глядел будущими взрослыми глазами.

К вечеру спустился с полки Генрих. Он был вял, спокоен. Немножко веко дергалось. От общего ужина не отказался. Еще подошли двое ребят. Олег и Василий. Им нужно было всем добираться потом до Томской области. Держались вместе.

Особенно уже и не балагурили. Этот промежуток времени был как бы лишним. Первый гребень слетел, следующий накапливали к дому. Вечер предстояло просто погасить.

Снова достали фотографии. Рассматривали, соединив головы кругом. Анна Матвеевна теперь была даже и в центре. Генрих разложил свой альбом у нее на коленях, водил тощим пальцем:

– Здесь меня еще провожают. Mamka, дед. Это я. В другой жизни. Вот сеструха...

– Это присягу принимаем. Вот он я. А то вы и лица моего не запомните...

– Погоди-ка, не листай дальше, – Василий открыл «свою присягу», – смотри, на том же месте! Видишь, тот же самый транспарант, знамя с оторванным уголком... Мать твою! Зацеловали. А я тогда подумал – боевое... И сразу погнали в горы. Значит, конвейер...

– Ладно, кончай. Тут мы на марше. Не переживайте вы так, всё путём.

У Анны мелко дрожали колени. Вика обняла за плечи. Крепко. Щекотно было от ее волос.

– Здесь мы с другом. Лучший мой друг!

– Саша... Это Сашенька...

Анна Матвеевна прижала кулачки к лицу.

– Ваш сын?

Генрих схватил ее за руки, сильно ткнул марлевым лбом.

– Я не знал. Нас тогда всех убили. Он закрыл меня. Я не знал! Простите! Простите!

– Его не убили... Он дома...

Она сидела оцепенев. Слезы текли, текли, заливая какую-то ненормальную, как сейчас казалось, улыбку.

– Его не убили. Он живой.

– Хорошо, хорошо...

Парни закутали ее в одеяло, притащили горячего чаю, уложили. Сидели подле, сменяя друг друга. До утра. До Новосибирска.

– Они будут меня встречать. С женой. Сами увидите.

– Конечно, конечно...

Они все стояли в тамбуре. Поезд медленно тормозил. Через замерзшее стекло не было ничего видно. Проводница открыла дверь, подняла подножку, встала в сторонке.

Напротив выхода негусто толпились встречающие, и ждала уже инвалидная коляска, или кресло такое, за спинку его держала молодая женщина.

– Я же говорила. У нас так принято, провожать и встречать. Это жена его, Мариночка.

Анна Матвеевна спускалась даже и не суетно. Несколько напряженнее выпрямила свою и так прямую фигурку. Подошла. Поцеловала обоих.

– Сашенька, не поверишь, со мной вместе ехал твой друг...

В кресле сидел модно одетый человек, в черное длинное пальто и глубокую шляпу. Разве что чуть старательнее одетый, чем естественно. Пусто блестели темные очки. На лице понизу растянулась улыбка.

Генрих накрыл ладонями ровно сложенные перчатки.

– Здоров, братишка. Ну я рад, что у тебя всё путём.

2001 г.

Ловленный марьяж

В купе оказался полный комплект: дама и три джентльмена. Через час-другой они уже обменялись входными данными, сообща перекусили, выпив за знакомство, и расположились писать «пульку».

Борис Игнатьевич взялся тасовать карты. Ранее он представился бизнесменом, и вроде бы именно ему следовало открыть сеанс:

– Давно не брал я в руки... чего?.. Картишек!

Он пощелкал колодой, пустил ее дугой так и эдак, развернул веером, в то время оглядел партнеров, прикидывая, каким манером инициировать игру. Подмигнул сам себе из дверного зеркала, – что ж, здесь за столиком сидел модельный мужчина, не седеющий брюнет. А она сейчас скажет...

– Ну вы, право, фокусник! – сказала она, слегка подчеркивая притворность интонацией.

Дама назвалась Ириной Андреевной. Ее небольшая голова на прямой шее казалась бы надменной, если бы она этого хотела. Глаза смотрели уверенно.

– И сколько мы поставим на кон?

– Три грамма вист! – мгновенно отозвались и тут же рассмеялись Владимир Владимирович и Николай Иванович – живучи, однако, студенческие традиции.

– Господа, это несерьезно. Ставки должны быть высокие. – Борис Игнатьевич выдержал паузу. – Пусть наказанием за проигрыш будет какой-нибудь рассказ. Например, из поездной жизни.

– Bravo! Только я теперь буду все время мучиться, о чем рассказывать.

И сразу игра заладилась бойко, с байками и перекурами, с отвлечением на «пятьдесят капель».

После своей сдачи Ирина Андреевна заглядывала в карты к одному, другому, говорила театральным голосом: «Ах, право!» или «Ну-ну...» или:

– Лучше мне уйти, чтобы не волноваться.

Тогда брала сигареты и выходила.

И всякий раз мужчины провожали ее взглядами, такого примерно содержания:

«Экая бестия! До чего все продумано! Ни единой лишней линии!» – едва удерживался Борис Игнатьевич, чтобы не поцокать языком.

«Змея морская. Струится, серебрится, а проглотит, не успеешь ойкнуть. Нет уж!» – думал Николай Иванович.

«Хороша... Серая Шейка, – Владимир Владимирович рассеянно смотрел в свои карты и напевал бессмысленный детский ребус, – у-точка пре-лест-ни-ца у-три-нос...»

И действительно, Ирина Андреевна была хороша в сером дорожном платье, с тщательно уложенной подсиненной прической. С легкой руки Бориса Игнатьевича скоро стали называть ее Ириночкой. А Николай Иванович еще прицеплял в рифму: Ириночка-былиночка, – кувшиночка, – тростиночка. Иногда нарочито грубил: Сориночка, Змеиночка. Что-нибудь такое.

Ирина Андреевна играла недурно. Охотно повторяла неперменные присказки:

– Под игрока с семака.

– Хода нет – ходи с бубей.

Ошибки делала. Но лишь Борис Игнатьевич мог заметить, что всегда в пользу «Ника», «Николя», «Николеньки». Да не показывал виду дескать, ни для кого не секрет, что женщины безошибочно выбирают себе про запас наиболее безопасного рыцаря. Сам же «коней не гнал», а если «слишком везло», сразу начинал подсказывать слабой стороне либо забавлял компанию «аналогичным случаем».

Николай-Николенька-Николя порой раздражался ни с того ни с сего:

– Гори, Ириночка-лучиночка, вдали от сердца моего... Песня такая есть у аборигенов острова Борнео.

– Вы и там побывали, Синбад-Мореход?

– Я побывал всюду, где меня теперь нет.

Вообще-то, душой компании смотрелся как раз Николай Иванович. Инженер-геофизик. Плотный, устойчивый, надежный. «Шкиперское» лицо оформил бородкой, похоже, с молодости. Недоставало трубки в углу беззубого рта. Он единственный здесь не курил. Может, из чувства перече́ния? В самом деле, с ближней дистанции было видно, что веселые его ужимки прятали немало загадочных противоречий. В карты ему шибко не везло.

Но самым рисковым оказался Профессор. Это он так себя преподнес при знакомстве:

– Владимир Владимирович. Профессор. К тому же поэт.

Наверное, по инерции. Профессор был слегка подшофе. Провожающая его несуразная команда обратила на себя внимание еще на перроне. Седые бородачи и пожилые девчонки поминутно братались: «Старик, я тебя люблю!» И орали стихи хором.

– Всем симпозиумом пожаловали? – съязвила тогда Ирина Андреевна.

– О, Конгресс Всемирных Поэтов! Они же, действительно, да, еще и ученые всех мастей. Впрочем, извините за беспокойство.

Профессор был невысок, суховат, с внимательными очками на длинном носу. С тем спокойствием на лице, что сообщает об удачливости и независимости. Сейчас он играл шалаяй-валяй – все же устал на конференции, да и неохота было сосредотачиваться.

Просидели за преферансом до утра. Расплату решили отложить на вечер. И занялись приготовлениями к отдыху.

Владимир Владимирович отправился в туалет. Шел по коридору с упорством канатоходца. Помахивал полотенцем. Напевал себе под нос:

«Гуси-гуси, га-га-га, есть хотите? О да! Действительно. Если послушать со стороны, гогочем, как гусаки над лебедицей. Однако дивно хороша. Этот ивовый голос длиннолистый... Что-то мне все время напоминает... А Ник, кажется, спекся. Ведет себя, словно подросток. В маске Морского Волка. Поди, и в моря подался с какой-нибудь неvezухи... А этот шулер – фрукт! Я бы не удивился. Ну и шут с ним. Пожалуй, я все-таки пьян. Гуси-гуси...»

Николай Иванович сидел один. Ему хотелось шарахнуть кулаком по столу. Чтобы кувыркнулись бутылки. Чтобы разлетелись карты. Куда-то испарилась веселость. Вот только же собирался навести порядок. Бубнил, строя в зеркале гримасы:

«Змея и есть. Думает, что я клюнул. Ишь, как ухаживает. Нет уж! Хаживали, хаживали по этим тропиночкам, не заманишь! – Ему сделалось смешно от словесной находки, и передразнил. – Дейст-ви-и-тельно, да-а».

Профессор его раздражал. Причем как раз потому, что нравился.

«Я и сам такой независимый. Я и сам люблю распускать словеса. Подумаешь, поэт! Подумаешь, профессор! Не проверишь. А вот верится, будь он неладен. Я бы с ним пошел в плаванье. С Борисом – нет. Никакой он не бизнесмен. Хитрец он, вот кто. Но в компании ничего, годится».

Владимир Владимирович вернулся в купе, когда все уже улеглись.

– О! Труба сыграла отбой? А я думал, мы еще по пятьдесят капель перед сном?.. Стоял в тамбуре, засмотрелся в окно. Что-то во всем этом славное, давнее... Впрочем, извините.

Поднялись поздно. Николай Иванович уже приготовил стол к трапезе. После разбитого дня наступил ленивый вечер. Подвели итоги. Владимир Владимирович проиграл больше всех, ему и выпало развлекать компанию первым.

– Нахальство наказуемо, Профессор.

– Почему нахальство? Отвага. Которая всегда ведет к победе. Правда, не всегда к ней приводит. Значит, вы требуете рассказ про поезд? Хорошо. Если по короткому ходу ассоциа-

ций, мне вспоминается эпизод из студенчества. То ли это встреча со старыми друзьями разбе-редила, то ли чудная наша обстановка... Действительно, да.

Учился я в Питере, в университете. И в традициях нашего физфака была театральная дружба с физиками из МГУ. В те зимние каникулы они приехали со своей оперой.

На сцене сразу выделилась героиня. Необычайным голосом, каким сирены сводят с ума мореходов. Эффект был велик еще и потому, что голосу, казалось, негде было помещаться, – такая она была тоненькая, с длинной шейкой. В конце спектакля я выбежал на сцену и прочитал ей стихи. Возможно, поэтому она отнеслась ко мне благосклонно. Потом я писал ей письма в стихах.

И вот она пригласила меня на день рожденья. Тридцатого апреля. Я спешно насобирал по общаге денег на билет. Хватило еще на пару пирожков в дорогу и на маленькую для смелости. Вез ей в подарок целую тетрадку поэм.

Ехал в сидячем вагоне. Проводник прошел, предлагая пиво. Я счел возможным достать свои припасы. Вдруг сосед, синхронно со мной, тоже достал маленькую. Мы понимающе чокнулись. Предложил ему второй пирожок:

– Вот и все, чем богат.

– Это по-нашему, поделиться последним.

Ну и потекла беседа. Дядька был уже матерый, такой, из очевидных романтиков предыдущих времен. Майор. Военный френч на нем начинал отечески сутулиться, когда он внимал моим соловьиным трелям.

Я же мог говорить только об одном: конечно, о ней, о сирене. И до самой Москвы читал ему стихи. А за окном по талому небу тревожные неслись облака. Деревья кренили прутья, и вдруг затягивало их ветром в черные ельники, как в воронку.

Когда мы прощались, майор, немного замявшись, протянул мне двадцатипятирублевую бумажку:

– Ну... вроде как гонорар... Причем делюсь не последним.

Я тоже ужасно смутился. Но взял. Деньги нужны были позарез. Действительно, да. Хотя я еще не задумывался об обратной дороге. Все же попросил его адрес. Мельком глянул – полевая почта. Служил майор на Севере.

Москву я тогда знал плохо, а девушка жила в Бибирево. Да и поздновато уж было, темно. Взял такси. Сразу объявил шоферу:

– Шеф, мне нужно приобрести бутылку хорошего вина и конфеты.

Вручил ему даровую бумажку.

– Я здесь пролетом. Вам проще сориентироваться. Сделайте нужные вычисления в свою пользу и пособите.

– Нет проблем.

Он обогнул площадь трех вокзалов и притормозил у ресторана. Я остался в машине ждать. Что-то долго. Захотелось курить. Сунулся, спичек нет. Вышел, думаю, у кого-нибудь прикурю. Как на грех, никого прохожих. Казалось бы, предпраздничный день. Пошел на угол. Слышу, за спиной двери хлопнули, шеф тащит бутылку. Помаячил ему, дескать, сейчас... Он кивнул. Сел в машину. И укатил. Вот те на!

Я глядел в красные задние глазки, как они, налитые кровью, смешивались со стаей таких же алчных звериных глаз, несущихся в темноте улицы, в зловещей, шелкающей флагами Вальпургиевой ночи...

Уехала тетрадка со стихами, уехала бумажка с полевым адресом... Этого мне было особенно жаль, не хотелось оставлять майора в разочаровании. Ну, а стихи вспомнил потом, конечно. Лучшие. Остальные не стоили того.

– И это все? – спросила Ирина Андреевна. Вдруг залилась краской и с натугой начала кашлять.

– А что еще? Разве мало?

– Ну, а девушка?..

– Про девушку не знаю. Не довелось больше встретиться. В ту ночь я вообще чуть не пропал. Однако Бог хранит поэтов. До поры... Тогда же судьба привела меня к другой. Но эта история уже не из поездной жизни. И пока что я ее не проиграл. Действительно, да...

– Не ожидал! – сверкнул зубами Борис Игнатьевич и глянул вскользь на Ирину Андреевну.

Та, прихватив сигареты, вышла. И все прикладывала платок к лицу, будто не может унять кашель.

– Мне кажется, я заслужил сто грамм?

Мужчины выпили.

– Ладно, идите и вы травитесь. Приготовлю пока корейскую лапшу. Не выбрасывать же.

Николай Иванович остался возиться с ужином. Следующий рассказ был за ним, и ему хотелось затянуть время.

«Дурацкая история. Дурацкая присказка. Твердит, будто земли под собой не чует. Ветром его, видите ли, по миру несет. А она расчувствовалась. Интересно, сама-то что расскажет? Терпеть не могу лирики. Надо им сбить этот коленкор».

Он разрывал упаковки с лапшой, резал колбасу и все больше нервничал. Рассказывать он вообще-то любил. Еще в детстве сочинял сказки для дворовой мелкоты. И теперь ему нравилось собирать вокруг себя детей для какого-нибудь дела. Свою семью так и не завел. С тех пор, как его бросила невеста. Да еще так вероломно... Нет, женщины, конечно, были. Но он им не доверял. А за этой, пожалуй, побежал бы... Хотелось поразить ее рассказом. История же лезла в голову именно та, вероломная...

«Нет уж! Не дождетесь!»

За ужином Николай Иванович не мог отделаться от своих бесконечных «чка-чка-Ириночка». А мысленно отметал глупые «занимательные фантастики». В поездах-то у него, выходит, ничего особенного и не случилось? И если отсеять фантазии, много ли останется?.. Зря бросил курить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.